

ЛИТЕРАТУРА — ЖИЗНЬ МОЯ

МЫ, ПИСАТЕЛИ, в своей профессиональной среде много говорим об активном вторжении в жизнь. Что значит для меня активно вторгаться в жизнь? Это значит, не оставаться равнодушным к тому, что видишь, не проходить спокойно мимо того, что задает, откликаться на то, что требует твоего личного вмешательства, реагировать на общественные явления, исповедуя одну непреложную истину: писатель должен жить так, чтобы его слово не оставалось для читателя пустым звуком, чтобы оно было нужным людям!

Я не убежден, что эта точка зрения близка всем писателям мира, более того, не сомневаюсь, что имеются совсем иные воззрения. Но я — советский писатель, и для меня в литературе нет иной дороги. Наверняка найдется скептики, которые бросят мне упрек во фразерстве. Среди них я вижу тех, кто любит рассуждать о самовыражении, о том, что широкий читатель еще не всегда может понять самобытность автора, его формотворчество, его художественный поиск.

Разумеется, читатель, которого мы именуем массовым, широким, имеет разную степень подготовленности к восприятию художественной литературы. Безусловно, не всем и не все доступно в ней: кто-то снимает верхний слой, у кого-то глубокое бурение, а чей-то глаз зрит даже то, что автор и не писал вовсе, — все это так, и тем не менее массовый читатель не столь уж склонен к примитивности и упрощению в литературе, да и сам он далеко не прост, этот сегодняшний книголюб. — ученый, инженер, хлебороб, рабочий, студент, школьник. Именно для такого читателя хочется писать, этим людям хочется быть нужным, на их чуткий, взыскательный суд хочется представить свои произведения.

ВСЕ ЖАНРЫ хороши, кроме скучного, сказал классик. И все, смею добавить, требуют от автора полной самоотдачи, все должны быть всорваны жаждою гармонии, красоты, нравственного совершенства, должны являть гражданственную, эстетическую позицию художника. Ощущение сопричастности происходящему, обостренное чувство ответственности лежат в основе жанра сатиры, которая призвана не наставлять читателей, не насмешничать или злорадствовать по поводу негативных явлений, но показывать своими средствами их несоответствие главным принципам жизни.

«Предмет комедии, — писал Белинский в статье «Литературные мечтания», — не есть исправление нравов или осмеяние каких-нибудь пороков общества; нет: комедия должна живописать несообразность жизни с целью...» Эта несообразность — главный предмет сатиры, которая служит созидательным задачам времени.

ВОДНОЙ из моих пьес выведены люди, которые, не имея на то никаких оснований, стремятся стать деятелями науки, кандидатами и докторами, метая даже в члены-корреспонденты Академии наук. Кто-то более талантливый пишет им диссертации, они присваивают эти не свои труды, защищают их и занимают в научных учреждениях места подлинно одаренных теоретиков, исследователей, которые могли бы принести отечественной науке новые открытия, успехи, достижения. Является ли это общественным злом? Безусловно. Так что же, проходить мимо такого явления в науке? Я написал пьесу «Пена».

Как и следовало ожидать, мое написание ученым (по званию, а не по призванию) она не понравилась — не ее художественные параметры (тут мне стоило бы призадуматься), а ее направленность. Не понравилась — и хорошо! А разве может сатира радовать всех? Разве может она развиваться под общие аплодисменты? Тут уж одни хлопают, а другие обижено руками разводят. Кому-то сатира обязательно «насолит», кому-то затронет, разозлит. Об этом уже не раз и не мной сказано.

Однако случается, и, к сожалению, в наши дни нередко, что чувствуют себя оскорбленными и те, кого сатирик не думал выставлять на всеобщее обозрение, высмеивать, обличать. Как будто если персонажи пьесы сотрудничают в научном институте, то автор ополчается против всего ученого мира. Стоит только, смею, взлосточника сделать в спектакле работником коммунального хозяйства, как чуть ли не все, имеющие эту профессию, обижаются за свой профессиональный чех. Как тут не вспомнить Гоголя, который говорил в «Петербургских записках 1836 года»: «Если, например, сказать, что в одном городе один надворный советник нетрезвого поведения, то все надворные советники обидятся, а иной, совершенно другой советник, даже скажет: «Как же это? у

меня есть родственник надворный советник, прекрасный человек! Как же можно сказать, что есть надворный советник нетрезвого поведения!»

Прошло с той поры без малого полтора столетия, а реакция та же, видно, не властно над обывателем. время.

ХОТЕЛ бы увидеть на сцене пьесу Н. Эрдмана «Самозуб». В свое время М. Горький, высоко оценил ее как талантливую гражданскую сатиру против отмирающих классов и рекомендовал для публикации в

Сергей МИХАЛКОВ

А ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ САТИРУ?

альманахе «Год XVI-й». По мнению К. С. Станиславского, автору удалось раскрыть разнообразные проявления и внутренние корни мещанства, которое противится строительству страны. «Прием, которым автор показал живых людей мещанства и их уродство, представляет подлинную новизну, которая, однако, вполне соответствует русскому реализму в его лучших представителях, как Гоголь и Щедрина», — так считал К. С. Станиславский, отмечая, что этот прием близок традициям МХАТа.

Написанная в 1931 году пьеса не увидела свет ни в печати, ни на сцене. Странно, что никто в течение 50 лет не вернулся к ней. Как мне кажется, эта вещь должна сегодня прозвучать гневным обличением потомков тех, кого илеймил автор — выдающийся комедиограф Н. Эрдман.

НА ВСТРЕЧЕ в Останкинской телестудии меня спросили, почему я сочиняю сатирические пьесы. Наверное, потому, что в моем характере, в натуре — потребность воевать с тем, что кажется мне антигуманным, безнравственным, мещанским, мешающим людям жить, творить, максимально выявлять свои человеческие возможности.

Думаю, что сатириком никогда не станет трусоватый человек, потому что сатира — всегда бой, и жанр этот не случайно зовут боевым. Маяковский требовал от сатиры смелых действий:

Обличитель, меньше крему, очень темы хороши. О хорошенную тему зуб не жалко искрошить.

Сатира по сути своей не может быть кремовой, приятной, добренькой, но сатирики, как это ни покажется парадоксальным, не могут быть злыми, озлобленными людьми. Кому придет в голову назвать злыми Маяковского, Зощенко, Шварца, Ильфа, Петрова — авторов любимых народом сатирических вещей? Злом не воюют во имя добра.

СПРАШИВАЮ у руководства города, куда приехал по творческим делам: а вы сатиру любите? Как же, отвечаю, конечно, нам критика строить и жить помогает. На словах любить, а на деле давно ли ставил местный театр современную комедию, часто ли видят жители на городских киноэкранах выпуски «Фитилия»?

Смелая сатира, рожденная государственными интересами, принципиальными соображениями, поддерживается, приветствуется и читателем, и зрителем. Опыт сатирического киножурнала «Фитиль» (я руковожу им почти двадцать лет, и это тоже моя жизнь в литературе, в частности, в публицистике), так вот опыт «Фитилия» свидетельствует, что всенародное осуждение — действенное оружие в борьбе с тем, что противоречит нормам нашего образа жизни, нашей морали. Нелицеприятная критика по адресу виновников злоупотреблений вызывает у них подчас уродливую «защитную» реакцию: не пускать фильм в своем районе, городе, области, не выносить сор из избы, дабы не быть узнанным и прилюдно осужденным.

К слову сказать, такая конкретная прицельная критика, направленная против действий реальных людей, должна основываться только на тщательно проверенных фактах, иначе можно бросить тень на невиновного человека. К сожалению, бывает, иные авторы подчас излишне волюно обращаются с фактами, выдавая за них свои домыслы.

Отдавая предпочтение документальным сюжетам, в которых, как правило, затрагиваются подлинные лица, редакция «Фитилия» обращает особое внимание на точность, достоверность фактов, их неопровержимость. Таков принцип подлинно партийной критики, которому, думается, должны следовать все, кто работает и в документальной литературе, и в публицистике.

В сценических судьбах моих комедий были случаи, когда они подолгу игрались в столичных театрах, получали положительный отзыв в цен-

ральной печати, а вот на периферии их не показывали.

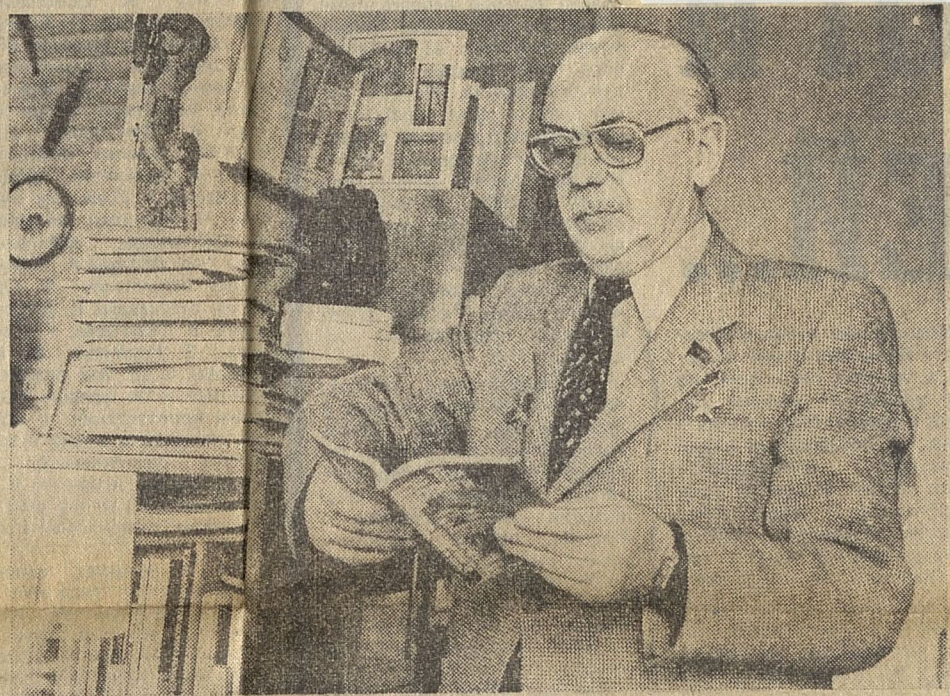
Не надо бояться увеличительных стекол, не надо шараться от них, они помогают лучше разглядеть предмет. Сатира требует крупных мишеней, требует заостренности, порой даже гиперболизации. Но опять звучит один и тот же ортодоксальный вопрос, задаваемый бюстистами «благотропности»: а типично ли это, а стоит ли это показывать? И снова — в который уж раз — приходится объяснять: да, не типично, так же, как не типичен фурункул на здоровом теле. Но если его вовремя не заметить и не избавиться от него, то труднее и мучи-

◇ На зеркало неча пенять...

◇ Все жанры, кроме скучного

◇ И «Мы, нижеподписавшиеся...», и «Гнездо глухаря»!

◇ Взрослые заботы о детской литературе

тельнее потом будет лечить фурункулез.

Умные и мудрые наши классики литературы и марксистской мысли — все это они давно уже растолковали, сформулировали. Почаще бы обращаться к их трудам, почаще бы брать за руководство в нашей повседневности.

Я благодарен Центральному телевидению, показавшему миллионной аудитории мои сатирические пьесы «Пена», «Пощечина»: «Эцитоны бурчели», которые почти не игрались на периферии. Не за себя только ратую — за весь наш беспокойный, мужественный и, уверен, очень важный, необходимый литературный род. Радуюсь, что на всеобщем экране только за последние месяцы появились фильмы по комедиям М. Родин «Старый Новый год» и «Мы, нижеподписавшиеся...» А. Гельмана.

ВЧЕМ причина зрительского успеха пьесы «Гнездо глухаря» — в остроумии, в том, что нехотульный герой-чужак ведет правый бой с нехотульными носителями общественного зла, с персонажами яркими, полнокровными. Я думаю, успех еще и в четко выраженной позиции автора, в нравственной сверхзадаче, заложенной в основу этой густо замешанной на жизненных реалиях комедии.

У А. Гельмана сфера производственной, у В. Розова — в «Гнезде глухаря» иная — дом, семья; деловые конфликты как таковые отсутствуют, но и здесь та же высокая нравственная сверхзадача, которая делает «семейные сцены» — так определяет драматург жанр своей вещи — актуальными, будоражащими наше сознание, мысль, чувство. А какими иными средствами может воспитывать искусство? Пусть зритель огорчится, пусть разгневаюсь, пусть долго не сможет успокоиться, пусть задумается над зигзагами жизни, ее сюрризами, а может, они та нежданность, которая поддается предвидению? Я видел «Гнездо глухаря» в московском театре сатиры, где постановщик верно расставил акценты, видел, как отлично принимает этот злободневный спектакль зритель. Пьеса поставлена более чем в 50 театрах страны. А вот в прессе я пока не встречал ее аналитического разбора, ее оценки. Об игре актеров писали, а о работе драматурга и режиссера В. Плущина, кажется, почти ничего не было, только газета «Труд» рецензией Б. Полюровского отзывалась на эту превосходную работу.

КАК ДРАМАТУРГ я занимаюсь сейчас не только сатирой. Театр Советской Армии приступил к работе над моей драмой «Эхо». Я жду этого спектакля с не меньшим волнением, чем комедий. Пьеса посвящена патристическому воспитанию, воспитанию чувства воинского

долга. Мой герой, молодой советский офицер, совершает подвиг в мирное время, продолжая этим славные традиции своего отца, ушедшего из жизни командующим военным округом.

ХОРОШО, что в целом ряде театров начинают жить экспериментальные спектакли на малых сценах. Такой экспериментальной сценой в свое время служил МХАТу его филиал. Если мы не будем привлекать для работы в филиале молодых режиссеров, филиал нам не нужен, говорил в свое время Владимир Иванович Немирович-Данченко.

С появлением малых сцен должен активнее развиваться жанр одноактных пьес. Три одноактные пьесы на сцене Театра на Таганке, составившие спектакль «Надежды маленький оркестрик...» (авторы А. Володин, С. Злотников, Л. Петрушевская), хорошо приняты зрителем. Я получил истинное удовольствие от ювелирной работы молодого режиссера С. Арцыбашева, от актерской работы участников этого спектакля. Театр имени М. Н. Ермоловой поставил на своей малой сцене мою одноактную интерпретацию трех рассказов В. Шукшина под общим названием «Товарищи — граждане». Возможность экспериментировать на малой сцене избавляет театр от большого производственного риска, а в случае удачи позволяет перенести спектакль на основную сцену. Перед молодыми авторами и режиссерами наличие малых сцен открывает широкие возможности и для упрочения своего профессионального уровня, и для личной заявки на право работать в драматургии, в театре.

ПОЧТИ 50 лет назад мне открылась дверь в заманчивый мир литературы как писателя. Я начинал как детский поэт. И сейчас главным в своем творчестве считаю драматургию и литературу для детей. Сегодня, в преддверии VII съезда писателей СССР, когда я готовился к докладу о детской литературе, мне пришлось как бы восстанавливать картину того, что сделано нашим цехом за последние пять лет и представить себе еще раз проблемы и нерешенные задачи, которые стоят перед многонациональной литературой для детей и юношества. Успехи очевидны. Наша детская литература твердо стоит на своих идейных позициях, отвечая самым высоким требованиям нашего времени. И все же нам есть о чем подумать, к чему присмотреться.

Один за другим ушли из жизни основоположники советской детской литературы: Гайдэр, Кассиль, Маршак, Чуковский, Барто... Раздаются голоса о смене поколений. Но может быть, стоит поговорить не о смене поколений, а о закономерной преемственности, о развитии тех традиций,

которые завещали нам эти мастера слова, чьи произведения для каждого нового поколения продолжают звучать так же свежо и молодо? Есть у нас продолжатели этих замечательных традиций. Возьмем хотя бы книжки, предназначенные для самых маленьких читателей. С полной ответственностью можно назвать Я. Аким, В. Берестова, Г. Вьеру, С. Вангели, Г. Граубина, Б. Заходера, И. Зиедониса, Ю. Морри, И. Токмакову...

В последнее время в нашей литературе для дошкольников и младших школьных возрастов стало, к огорчению, появляться много безликих, посредственных, с позволения сказать, убогих произведений, свидетельствующих о низком художественном вкусе как самих авторов, так и их редакторов. Нам объясняют: нужно ведь дать дорогу молодым, нужно обновление, новые имена, новая литературная смена. Но нельзя воспитывать молодого автора книг для детей за счет самих детей, за счет нанесения им какого-либо урона.

...Лошадка масти науной
Любит варенье
и конфитеры.
А лошадка масти чубарой
Очень любит тары-бары.
А лошадка масти мышастой
Любит чистить зубы
пастой.
А лошадка масти сивой
Очень любит быть
красивой.

Огорчительно, что такие стихи мы предлагаем нашим маленьким читателям. К сожалению, слишком много подобных примеров в изданиях для малышей. Все это никакого отношения не имеет к поэзии, а выпущено многотысячным тиражом. Нам не хватает хороших редакторов детской литературы. Литературный институт имени А. М. Горького не обучает молодых, чье призвание — литература для детей. В дошкольной литературе пытаются закрепить, обособиться и начать подгонять литературу под свой уровень предприимчивые ремесленники. Это не может не настораживать, это не должно уходить из сферы нашего внимания и влияния.

Поражает доступность, легкость, с которой издаются вирши иных стихоплетов. А бывает и так — молодой литератор приносит нескладные стишки, а редактор — то ли по утере должной требовательности, то ли по равнодушию — подписывает их в печать, открывая им тем самым путь в детскую литературу, а значит, и в детскую душу. Полагаю, что на предстоящем писательском съезде нам стоит поговорить об этом очень серьезно.

Запись
Ирины ВИШИНОЙ
Фото Э. КРОХИНА